

© Самсонов В.В.
Samsonov V.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ВЫБОР МЕЖДУ НАПРАВЛЕНИЯМИ ИНТЕГРАЦИИ

ALTERNATIVES POST-SOVIET IDENTITY AS A CHOICE BETWEEN THE LINES OF INTEGRATION

Аннотация. В статье показано, что постсоциалистическая трансформация порождает проблемные ситуации не только в экономической и политической сферах общества, но влечет за собой кризис идентичности как на уровне индивидуальных самосознаний, так и на уровне самоопределения социальных общностей.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13-23-02001 «Социальный кризис в условиях глобализации (сравнительный анализ опыта России и Украины)».

Annotation. The article shows that the post-socialist transformation creates problematic situations, not only in economic and political spheres of society, but entails an identity crisis at the level of individual self-consciousness and self-determination at the level of social communities.

Paper was prepared with financial support from the RFH project № 13-23-02001 «Social crisis in the context of globalization (comparative analysis of the experience of Russia and Ukraine)».

Ключевые слова. Альтернатива, постсоветская идентичность, выбор, направление, интеграция.

Key words. Alternatively, the post-Soviet identity, choice, direction, integration.

Постсоциалистическая трансформация порождает проблемные ситуации не только в экономической и политической сферах общества, поскольку влечет за собой кризис идентичности как на уровне индивидуальных самосознаний, так и на уровне самоопределения социальных общностей.

Кризис идентичности вообще рассматривается как одна из ключевых социальных проблем современного мира. Глобализация приводит к возрастанию открытости локальных и национальных сообществ, интенсификации культурных взаимодействий и внедрению новых форм социальности и солидарности, что приводит к кризису предыдущих форм общественной жизни, разрушению традиционной системы ценностей, культурным травмам, что, естественно, способствует размыванию прежних идентичностей и поиску новых. Распад единой идентичности или такой, вокруг которой можно построить рациональную социальную систему, становится приметой нашего времени. Именно поэтому поиски новых форм идентичности приобретают в наше время особое значение, особенно в связи с тем, что глобализация соз-

дает ситуацию неопределенности, размывает прежние формы единства, предлагает такой уровень свободы индивида, который иногда граничит с аноимией.

Но в странах бывшего СССР и бывшего социалистического лагеря проблема изменения идентичности приобрела особо значимый характер. Это связано с тем, что быстрые и кардинальные изменения идентичности происходят на всех уровнях. Идентичность представляет собой одну из специфических когнитивных схем, обусловленных разделяемой культурой и групповым опытом, и весьма близка к понятию «габитуса», системы «прочных приобретенных предрасположенностей», введенного П. Бурдьё для обозначения когнитивных моделей, определяющих человеческую деятельность, выступающих как исходные установки, которые порождают конкретные социальные практики индивидов и групп. Идентичности, представляющие собой систему координат (Г. Зиммель, Г. Стоун), в которой индивид определяет свою позицию, позволяют агенту социального действия спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и более или менее адекватно реа-

Самсонов Всеволод Владимирович – кандидат философских наук, научный сотрудник, сектор социально-философских исследований, Институт философии и права Сибирского отделения РАН.

Samsonov Vsevolod – candidate of philosophy, researcher, social sector and philosophical studies, Institute of philosophy and law of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences.

гировать на вызовы и условия внешней среды. Идентичность, таким образом, есть отождествление человеком себя с некоторой общностью, самоопределение на нескольких иерархических уровнях социальной действительности. На первом уровне определяется место индивидуума в близком социальном кругу (сфера взаимодействия «лицом к лицу»). Второй уровень идентичности представляет собой социально-статусное – профессиональное, сословное или классовое самоопределение (совмещающее реальный социальный опыт и абстрактное понимание общности) и описывается категорией этоса. На уровне «воображаемого сообщества» индивидуальная идентичность связана с региональной и/или национальной идентичностью. Национальная идентичность, определяющая лояльность государству, основывается на отождествлении индивидуума с гражданами страны (со своей нацией), вплоть до эмоциональной эмпатии. Как и идентичности других уровней, национальное самосознание основывается как на рациональных представлениях об этом сообществе (опирающихся, преимущественно, не на индивидуальный, а коллективный опыт, т.е. культуру и историю), так и на символических представлениях (служащих эссенцией культурно-исторического опыта). Изменения национально-гражданской идентификации, выступающей важнейшим инструментом мобилизации людей, могут служить своеобразным маркером потенциальных и реальных социальных ресурсов для интеграционных или, наоборот, дезинтеграционных процессов [1].

Постсоциалистическая трансформация в странах бывшего СССР затронула все три уровня самосознания индивидуумов, при этом наиболее проблематичными являются изменения идентичности социально-статусного уровня и национально-гражданской идентификации. Реальностью СССР был достаточно произвольный характер обустройства внутренних границ, при котором не учитывались сложившиеся этнокультурные, социальные связи. Учитывая, что новые независимые государства формировались на основе этих произвольных административно-территориальных делений советского периода, перед новыми странами встали проблемы государственного и национального строительства, которые не стояли в такой остроте перед странами, вошедшими в соцлагерь с какой-либо историей государственности (независимого суверенного существования, как, например, страны Восточной Европы). При этом как показал 20-летний опыт трансформации, процессы выработки национальной идентичности включены в акт самоопределения новых национальных сообществ от цивилизационного выбора до выбора стратегии интеграции. Более того, сама по

себе национальная идентичность формируется под влиянием политических (геополитических) факторов.

В данной работе обусловленность процесса формирования новых (постсоветских) форм идентичности политическими и социальными условиями рассматривается на примере России и Украины, постсоветских государств, в отношении между которыми глубоко связаны внешние и внутренние факторы.

В основании данной работы лежат две посылки. Во-первых, процесс выработки новых форм идентичности, особенно национально-гражданской, может быть управляем. Достижение жесткой, единой для всех членов социума идентичности проблематично, что, тем не менее, не исключает возможности управления процессами формирования гражданской идентичности. Стратегия формирования национальной идентичности понимается как комплекс целенаправленно выстроенных или исторически-спонтанных практик, осуществляемых властными элитами и связанных с процессом национального строительства (поскольку оба процесса, «менеджмента идентичности» и «управление нациестроительством» связаны с определением желаемых изменений, выработкой смыслов и символов, консолидирующих общество, превращающих его в сообщество).

Во-вторых, реализация политики идентичности рассматривается как некая рациональная стратегия, основывающаяся на оценке существующей культурной и социальной ситуации, представлении о перспективах изменений, и нацеленная на получение предполагаемых ее инициаторами выгод. В этом плане, согласно представлениям конструктивизма, национальная идентичность в современном мире выступает в качестве одного из «символических продуктов» (легитимирующая идентичность), которая вводится господствующими в обществе институтами для расширения и рационализации своего господства [2]. Конечно, в соответствии с примордиалистским подходом, нельзя отрицать и «спонтанный» характер формирования идентичности, особенно в предсовременный период, однако в наши дни такие «естественные» формы и проявления идентичности, скорее всего, выступают одним из факторов в выработке рациональных стратегий конструирования идентичностей.

Идеологические условия формирования постсоветской идентичности связаны, прежде всего, с постсоциалистическим наследием. Повсеместной характеристикой идеологических условий раннего этапа трансформации было максимальное дистанцирование от прошлой системы «коммунизма/социализма». Поэтому определенное время переход понимался определенно в нега-

тивном смысле, то есть акцент был поставлен на отказ от коммунизма, тоталитаризма. Такая практика самоидентификации даже получила свое название – «посткоммунистического нигилизма». Абсолютное отрицание советского прошлого, иногда приобретающее черты ее демонизации, нанесло сильный удар по прежним формам идентичности.

Однако, с точки зрения формирования новых форм национальной идентичности, эффективной стратегией отказа от социалистического прошлого является его экстернализация. Как показал в своей книге о европейской истории между 1945 и 1989 гг. американский историк Т. Джудт [3], послевоенные западноевропейские страны (за исключением Германии) преуспели в демократической консолидации и быстром восстановлении экономики не в последнюю очередь вследствие экстернализации фашизма как иностранного явления. Исключительная ответственность за разрушительную войну, с ее преступлениями и жертвами, включая холокост, была возложена на нацистскую Германию, в то время как другие страны «предпочли забыть» о своих собственных фашистских режимах, сочувствующих идеям нацизма, о своей добровольной или принудительной причастности к нацистским преступлениям. Даже страны-союзники Гитлера, связывавшие в период войны свои территориальные притязания с его агрессивными планами, предпочли рассматривать себя как его жертвы. Фашизм был представлен как эпизод национальной истории, навязанный внешней силой, в ходе агрессии, аншлюса, оккупации. В политике восточноевропейских стран с 1989 г. могут быть обнаружены некоторые параллели с послевоенным периодом, поскольку отношение к социалистическому прошлому новых демократических государств обычно основывалось на стратегии его экстернализации, представлявшей социализм как иностранное явление, навязанное вопреки воле народов, иностранной силой (СССР). Одна из самых поразительных версий этого дискурса представлена метафорой М. Кундеры, охарактеризовавшего социалистическую Европу как «похищенный Запад» [4]. Базовая дихотомия «Европы» и «Азии», «цивилизации и варварства» (коммунизм представлен как азиатская, варварская сила, угрожающая европейской цивилизации), значительно усиливает дискурс экстернализации, ориентализируя социализм [5]. Соответствующий статус страны-жертвы предполагает моральное алиби новых демократических государств как стран, которые наконец-то взяли историю в собственные руки. Согласно этой логике, страна, которая была лишена свободы, не может считаться ответственной за преступления про-

шлого. В. Джилге, анализируя политику по отношению к исторической памяти на Украине, указывает на стремление восточноевропейских интеллектуалов создать «национальный холокост» и таким образом добиться статуса жертвы для своей страны. «В этом контексте национальные стереотипы служат тому, чтобы дистанцировать “собственную” национальную историю от “ложной” советской истории и таким образом “очистить” собственную страну от всего того, что является советским» [6].

Россия второй половины 1980-х – начала 1990-х переживает схожую с восточноевропейскими странами вспышку интереса (как правило, негативного) к социалистическому прошлому. Жестокость коллективизации, ужасы сталинского террора и системы ГУЛАГА, принудительное переселение целых народов – все эти табу стали предметом общественных дебатов. Историки, основываясь на данные открытых архивов, переписывали историю, широкую популярность получили сочинения А. Солженицына. В официальном дискурсе, как и в восточно-европейских странах, преобладает тема «возвращения в цивилизованный мир», т.е. стратегия интеграции с западным сообществом.

Однако в течение десятилетия тенденции существенно меняются. Во-первых, этому были политические причины: требующие признания за собой «статуса жертвы» прежние союзники по союзу и бывшие советские республики оставили Россию, правопреемника СССР, фактически наедине с исторической ответственностью за преступления мирового коммунизма. В отличие от стран Восточной Европы и постсоветских государств российские элиты не могли экстернализовать социалистическое прошлое. Естественным следствием этой ситуации является появление запроса на специфическую версию отечественной истории, легитимирующей советский период, с осуждением «отдельных ошибок» и неудач.

Во-вторых, социальные и экономические проблемы, обострившиеся в период трансформационного спада, затруднили процессы десоветизации и внедрения либерально-демократических ценностей в массовое сознание россиян, связывающих антикоммунизм ельцинского периода с поражением в «холодной войне» и упадком роли и авторитета России на международной арене.

Масштабные общественные преобразования, начало которым в странах бывшего «социалистического лагеря» было положено рыночными реформами 1990-х гг., помимо экономики и политики, неизбежно должны были затронуть и сферу ценностей и норм, лежащих в основе важнейших социальных институтов, т.е.

ценностно-нормативные установки основной массы населения (замена системообразующих ценностей «советского» общества на «рыночно-демократические»)[7]. Результаты исследований развития послевоенной Германии, процессов модернизации Испании, Южной Кореи, Японии позволили выявить некоторое общее правило, согласно которому внедряемая в ходе реформ система ценностных установок первоначально усваивается молодежью, а система ценностей молодежи, в свою очередь, становится доминирующей спустя 15–18 лет после начала преобразований [8]. Основываясь на этом положении, можно предположить, что соответствующий социокультурный сдвиг должен был произойти в России приблизительно к концу «нулевых годов» (2006–2008 гг., если взять за точку отсчета 1991 г.). По крайней мере, за годы реформ должны были сформироваться и в полной мере заявить о себе прослойка населения, первичная социализация которой прошла в условиях либеральных преобразований, что подразумевает интериоризацию ценностей утверждаемой в ходе реформ капиталистической модели и соответствующей ей политико-правовой культуры. В результате «переходного периода», затянувшегося на десятилетия, эти изменения, безусловно, произошли, но они не имеют однозначного характера.

На первоначальном этапе имелись серьезные основания для ожидания серьезных изменений в сфере ценностных установок населения. Уже в первой половине – середине 90-х гг. исследования динамики ценностных установок россиян показывали обнадеживающие для реформаторов результаты, согласно которым поколение 18–23-летних ориентировано на индивидуалистический жизненный проект, в отличие от традиционной ориентации на общество социальной справедливости, равенства [9]. Начиная с конца 1990-х – начала 2000-х гг., замеры общественных настроений в России фиксируют замедление процессов социокультурного сдвига. Несмотря на разрыв с непосредственным историческим опытом и советской системой ценностей, в массовом сознании сохраняются традиционные (советские) ценностно-нормативные стереотипы. Многие россияне, особенно представители старшего поколения, испытывают ностальгические чувства по жизни в СССР, рассматривая победу в Великой Отечественной войне, восстановление страны, индустриализацию, введение массового образования, освоение космоса и т.д. как «момент моральной консолидации нации», который утрачивается под влиянием социальной несправедливости, межнациональных конфликтов, бюрократизации, кризиса и страха [10].

Массовое разочарование в реформах 90-х гг. при-

вело к обесцениванию институтов демократического государства и правовому (и этическому) нигилизму и релятивизму, породило в обществе заметную тягу к «сильной руке» (порядку) и справедливости. Исследователи прослеживают следующие этапы изменения отношения к «Западу»: от обожания и символизации западной жизни как идеальной в эпоху Горбачева к социальному согласию в 1991 г., когда Запад воспринимался как образец социальной организации, до появления во второй половине 1990-х гг. растущего скептицизма, взаимного недовольства и идеализации российских традиций «великодержавности» [11]. Объективно оценивая ценностные ориентации современных россиян, не следует ожидать естественного и скорого социокультурного ценностного сдвига, который привел бы к кардинальному изменению общества и перехода на путь устойчивого развития в соответствие с утверждаемой в стране рыночно-демократической моделью [12].

Таким образом, к концу 1990-х гг. назрела ясно выраженная потребность в изменении идентификационных стратегий – в целях консолидации общества, разорванного между националистическим экстремизмом, прозападным пораженчеством и постсоветской ностальгией. В первую очередь изменения затронули официальные трактовки советского периода. Вектор оценки советского прошлого в начале 2000-х гг. существенно изменяет свое направление, встраиваясь в логику возрождения «патриотической» компоненты. Оправдание советского прошлого как «части нашей истории» соответствует восстановленной идеологии преемственности как источника российской идентичности. Немаловажно, что данное отношение к советскому прошлому было встроено в идеологическую парадигму «суверенной демократии», которая отрицает универсальность западной нормативной модели и узаконивает «собственный путь России», постулируя переход к новой стратегии международной интеграции, в которой постсоветская Россия является региональным центром, к которому стремятся культурно и исторически близкие страны СНГ. В центре нового дискурса, безусловно, находится отставленный советский нарратив о Великой Отечественной войне. Как отмечает российский социолог Б. Дубин, на фоне падения символической значимости Октябрьской революции, вытеснения из коллективного сознания болезненных напоминаний о коллективизации и репрессиях сталинской эпохи общее значение победы в войне как определяющего события XX века на протяжении последних лет в России только росло [13]. Память о войне оказывается сильнейшим фактором формирования идентичности росси-

ян. «Фокусирующей точкой, смысловым центром всей конструкции значимого мира стала победа в Отечественной войне, а ее «эхом», «двойником» — победа в освоении космоса, полет Гагарина. При этом отрицательные значения событий, предшествовавших войне (коллективизация, голод, репрессии), заметно снизились, тогда как символы всего негативного, разрушительного или угрожающего разрушением оказались перенесены в более близкий хронологический период и сконцентрировались в еще совсем недавней, но уже ставшей прошлым «эпохе перестройки», девяностых годах. Тем самым дальние временные планы воображаемого целого истории как бы высветлились, ближние же, напротив, стали чернее» [13]. Следует отметить, что с течением времени, эта конструкция, вместо того, чтобы стать устаревшей, только приобретает значимость в сознании россиян (табл. 1).

рационального переосмысления [1]. Официальным проявлением такой позиции является внесение в Госдуму РФ в 2013 г. законопроекта об ответственности за отрицание Нюрнберга и ложные сведения об антигитлеровской коалиции (измененного варианта законопроекта о недопустимости отрицания роли СССР в победе во Второй мировой войне).

Дискурс Великой Победы выполняет следующие важные функции:

1) апелляция к историческому прошлому служит важным легитимационным фактором для властных элит и новых политических институтов;

2) реабилитация советского прошлого позволяет сохранить элементы преемственности между советской и постсоветской идентичностью;

3) воспоминания о войне и победе способствуют

Таблица 1

Оценка значимости праздника 9 мая россиянами, %

Ответ	2003	2004	2005	2006	2007	2010	2011	2012
9 мая – значимый день	83	88	91	92	94	92	93	94
9 мая – не является значимым днем	13	9	7	6	5	5	5	5
Затрудняюсь ответить	4	2	2	2	1	3	2	1

Примечание. Источник: Проект «Доминанты», опрос «ФОМнибус», 22 апреля 2012. – <http://fom.ru/Proshloe/10430>.

Этот феномен обусловлен встречным движением: с одной стороны, ностальгией масс по советскому прошлому, с другой стороны – коммеморационными (памятными) практиками элит, для которых апелляция к историческому прошлому служит важным легитимационным фактором. Данные контент-анализа показывают, что из общего количества речей Президента РФ В. Путина, посвященных историческим событиям, 43% непосредственно касаются Великой Отечественной войны, еще 7,5 % посвящены Дню защитника Отечества (во время празднования последнего В. Путин выступает на собраниях ветеранов, а тексты своих речей структурирует вокруг Великой Отечественной войны). В речах В. Путина День Победы определяется как «Великий и священный», «самый главный», «самый народный», «самый родной, искренний и всенародный», «дорогой и светлый», «день национальной гордости», «вершина славы», «день нашего величия», а Великая Отечественная война – как «жестокая», «справедливая», «праведная», «героическая» и «легендарная». Такого рода героизация и сакрализация события, которая фиксируется как центральный элемент модели исторического прошлого, пропагандируемой официальным дискурсом, делает невозможной репрезентацию гетеротопности прошлого или попытку его

ют формированию устойчивых эмоциональных связей с этими событиями, интеграции общества и становятся основой государственных мобилизационных практик

Немаловажное значение имеет и внешнеполитическая функция обращения к истории Великой Отечественной войны. Во-первых, напоминание о роли СССР во Второй мировой войне подчеркивает статус России как великой державы и повышает уровень морального капитала правопреемницы «победителя фашизма». Во-вторых, коммеморационные практики, обращенные в советское прошлое, подкрепляют стремления России к новым, более сильным позициям на международной арене – особенно на постсоветском пространстве, где воспоминания о Великой Победе по-прежнему значимы как для элит, так и для рядового населения.

Как показывают опросы общественного мнения, проведенные Фондом «Интеграция» с 19 апреля по 8 мая 2012 г. в странах СНГ, обращение к дискурсу Великой Отечественной войны выступает интегративным фактором не только в российском обществе, но и на постсоветском пространстве. Как можно судить по данным табл. 2, в постсоветских странах доля населения, считающих 9 мая личным праздником или очень важным днем преобладает над сторонниками иных точек зрения. В целом

29% опрошенных, отвечая на вопрос «Насколько важным и значимым для Вас лично является праздник 9 мая?», считают День Победы своим личным праздником, для 35% этот праздник является «очень важным», еще 28,6% — «скорее важным». Не считают важным для себя лично 20% опрошенных, только для 10% этот праздник является не важным.

Данные табл. 3 и табл. 4 показывают также, что если в российском обществе и некоторых странах СНГ (например, в Беларуси) использование элементов советского прошлого и дискурса Великой Победы является, безусловно, интегрирующим фактором, то в странах, национальные элиты которых следует экстерналистской, внешне-казуальной трактовке сущности предыдущей по-

Таблица 2

Насколько важным и значимым для Вас лично является праздник 9 мая? (%)

Страна	Личный праздник	Очень важный	Не считаю важным	Совсем не важный	Затрудняюсь с ответом
Россия	37	31	18	7	7
Украина	32	28	22	9	9
Беларусь	43	29	15	4	9
Казахстан	32	27	18	8	15
Армения	31	29	19	6	15
Азербайджан	21	25	26	14	14
Киргизия	22	38	16	11	13
Узбекистан	18	27	24	16	15
Молдавия	24	25	25	19	7

Примечание. Источник: www.integration.su.

Респонденты во всех опрашиваемых странах отметили, что 9 мая является главным объединяющим праздником на постсоветском пространстве. Более 70% заявили, что праздник Победы является главным интеграционным событием в СНГ. Также в большинстве стран СНГ опрашиваемые положительно оценивают возможность проведения совместных парадов в их странах в День Победы. На вопрос: «Поддерживаете вы идею проведения совместного с Россией (или другими странами СНГ) парада в честь Дня Победы?» 21% ответили «да», 37 ответили «скорее да». Противоположной точки зрения придерживаются 30 % респондентов (табл. 3).

литической системы, обращение к истории Великой Отечественной войны может играть дезинтегрирующую общество роль.

Такова ситуация в украинском обществе, в котором одинаково значимо представлены, акцентированы две противоположные точки зрения на историю Второй мировой войны. Причем ситуация обостряется тем фактом, что различные трактовки прошлого связаны с рядом других факторов: этнокультурных и социальных, и имеют четкую пространственную (региональную) локализацию. Западная Украина была занята Красной армией в 1939 г. в результате раздела Польши. Современные на-

Таблица 3

Поддерживаете Вы идею проведения совместного с Россией (или другими странами СНГ) парада в честь Дня Победы? (%)

Страна	Определенно да	Скорее да	Категорически нет	Скорее нет	Затрудняюсь с ответом
Россия	32	47	6	8	7
Украина	21	34	17	23	5
Беларусь	34	47	4	7	8
Казахстан	12	38	5	23	22
Армения	25	54	4	11	6
Азербайджан	9	17	23	35	16
Киргизия	32	41	7	9	11
Узбекистан	13	31	18	23	15
Молдавия	12	26	17	27	18

Примечание. Источник: www.integration.su.

циональные элиты Западной Украины стремятся трактовать украинскую историю как историю жертвы в борьбе между двумя супердержавами – нацистской Германией и Советским Союзом. Сотрудничество с нацистами части украинцев во время войны трактуется как ситуативная реализация законного права на самозащиту в борьбе за национальную независимость [5]. На востоке и юге страны, где велика доля русскоговорящего населения, преобладает более традиционная трактовка, согласно которой термин «оккупация» связан исключительно с немецкой армией и термин «освобождение» – с советской.

Такое противостояние различных идеологических картин прошлого является, как было сказано выше, проявлением ситуации, когда вследствие значительного различия социальных групп в этнокультурном и социальном в пределах одного государства формируются конкурирующие идентичности, определяющие в том числе различные геополитические ориентации.

Исследования региональной специфики формировании национальной толерантности и геополитических ориентаций граждан Украины отчетливо показывают, что региональный фактор играет едва ли не решающее значение в этих процессах, причем различия четко ранжируются на оси «Восток – Юг – Центр – Запад» [1]. Население западных регионов Украины отличается наиболее выраженной украинской идентичностью; наименьшей толерантностью по отношению к русским; наи-

с Россией и Беларусью. У лиц, отрицательно относящихся к союзу с Россией и Беларусью, выше уровень украинской идентичности по сравнению с теми, кто к такому союзу относится положительно. Во всех этих измерениях южные и центральные регионы Украины занимают свое структурное место: Юг ближе к Востоку, а Центр – к Западу. Аналогичная структура регионов выстраивается и в соответствии с объективными результатами голосования на президентских выборах 2004 и 2010 гг.

Исследования 2013 г. показывают, что сторонники интеграции с ЕС преобладают на Западе (81%) и в Центре (56%) Украины, также интеграцию с ЕС поддерживают треть жителей Юга Украины (30%) и 18% жителей Восточной Украины. Интеграцию с Таможенным союзом поддерживают две трети (61%) жителей Востока Украины и более половины (54%) жителей Юга Украины. В западных регионах интеграцию с Таможенным союзом поддерживают 7% жителей, а в центральных – 22% [14]. Анализ культурных идентификаций украинцев показывает ту же региональную корреляцию и значимость для восточного и южного регионов Украины обращенной в прошлое, советской идентичности (около 1/4 населения данных регионов относят себя к советской культурной традиции) (табл. 4).

Вследствие региональных различий в украинском обществе идеологические взгляды большинство центристских партий Украины характеризуются аморфно-

Таблица 4

К какой культурной традиции Вы себя относите, %

Культура	Запад	Центр	Юг	Восток
Украинская	80	69	41	42
Советская	6	17	26	23
Российская	1	4	18	18
Западноевропейская	9	6	8	5
Другое	1	1	1	1
Затрудняюсь ответить	3	3	5	8

Примечание. Источник: Центр Разумкова: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=693.

менее отчужденным отношением к американцам; наибольшей распространенностью антисемитских установок; в наибольшей мере ориентировано на интеграцию в европейское сообщество; наименее позитивно относится к идее союза с Россией и Беларусью. Население восточных регионов, соответственно, отличается наименее выраженной украинской идентичностью; наибольшей толерантностью по отношению к русским; в наименьшей мере ориентировано на интеграцию в европейское сообщество; наиболее позитивно относится к идее союза

и отсутствием ясного направления развития. Социокультурный раскол Украины, казалось, создает ситуацию тупика, особенно интеграционного. Однако при оценке перспектив украинского общества необходимо учитывать различия в моделях социального поведения, свойственных различным социокультурным группам. Исследования М. Аберга, базирующиеся на концепции региональных различий социального капитала сообществ Р. Путнэма и влияние этой дифференциации на развитие гражданского общества, показали, что национально

ориентированные жители Западной Украины характеризуются большими показателями доверия, сплоченности и активной гражданской позицией, а также повышенной готовностью участвовать в протестах – по сравнению с жителями Донбасса. И западные, и восточные украинцы полагали, что власти украдут их голос, но только первая группа была готова возразить этому воровству [15]. Другие исследования также показали, что ключевой ресурс, необходимый для мобилизации, сильное чувство коммуналности, весьма слабо развиты среди сильно фрагментированной русскоязычной диаспоры в Донбассе [16]. О разобщенности населения Украины, относящего себя к российской культурной традиции, свидетельствует и электоральный провал русских националистических партий в русскоязычных регионах, тради-

ционно поддерживающих центристские партии. Учитывая низкую активность русскоязычного населения Украины и его неготовность к участию в политической борьбе в формах партисипаторной демократии (предполагающей не только принятие решение и электоральную активность, но и готовность контролировать выполнение властями своей воли), можно говорить о том, что сторонники украинской культурной традиции и европейского геополитического выбора обладают определенным преимуществом, которое дает мобилизация, основанная на национально-интегративных факторах. Однако ситуация навязывания определенного цивилизационного выбора одной части общества другой его части вряд ли способствует его устойчивому и бескризисному развитию.

Литература

1. Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л. Дробижевой, Е. Головахи. – К.: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. – С. 11–12.
2. Castells M. *The power of identity*. – Cambridge, Mass.: Blackwell, 1997.
3. Judi T. *Postwar. A History of Europe Since 1945*. – London, 2005.
4. Kundera M. *A Kidnapped West, or Culture Bows Out* // *Granta*. 1984. – N 11. – P. 95–118.
5. Zburzbenko T. *Memory Wars and Reconciliation in the Ukrainian-Polish Borderlands: Geopolitics of Memory from a Local Perspective* // *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games*. – London, 2013. – P. 173–193.
6. Jilge W. *The Politics of History and the Second World War in Post-Communist Ukraine (1986/1991– 2004/2005)* // *Divided Historical Cultures? World War II and Historical Memory in Soviet and Post-Soviet Ukraine*. – Stuttgart, 2006. – P. 51–82.
7. Штомпка П. *Социология социальных изменений* / Пер. с англ.: под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – С. 235.
8. Зиновьев АА. *Запад*. – М.: Центрполиграф, 2000. – 509 с.
9. Зильберман Д. Б. *Традиция как коммуникация: Трансляция ценностей, письменность* // *Вопр. философии*. – М., 1996. – № 4. – С. 76–105.
10. Горшков М. К. *Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики)*. – М.: Новый хронограф, 2011. – С. 80, 84.
11. Омельченко Е., Пилкингтон Х., Флинн М., Блюдина У., Старкова Е. *Глядя на Запад Культурная глобализация и российские молодежные культуры*. – СПб.: Алетейя, 2004. – С. 25.
12. Самсонов В. В. *Социокультурный сдвиг в трансформирующихся обществах* // *Вестник НГУ. Философия*. 2012. *Вестник НГУ. Философия*. 2012. – Т. 10, выт. 2. – С. 82–89.
13. Дубин Б. «Кровавая» война и «великая» победа // *Отечественные записки*. – М., 2004. – № 5 (20). – <http://www.strana-oz.ru/2004/5/krovavaya-voyna-i-velikaya-pobeda>.
14. «ЕВРОМАЙДАН – 2013». – <http://rb.com.ua/rus/projects/omnibus/8836>.
15. Aberg M. *Putnam's social capital theory goes east: a case study of western Ukraine and Lviv* // *Europe-Asia Studies*. 2000. – N 52 (2). – P. 295–317.
16. Kuzio, T., *Nationalism, identity and civil society in Ukraine: Understanding the Orange Revolution, Communist and Post-Communist Studies* (2010), doi:10.1016/j.postcomstud.2010.07.001.

Материал поступил в редакцию 22. 02. 2014 г.